«Прохожий! обща всем живущим часть моя. . .» (1755) в 1831 г. в специальном справочном издании была приписана И. И. Дмитриеву.[33]

Что касается третьего типа рассматриваемой классификации — пародийной сатирической эпитафии, — то это, конечно, особая разновидность сатирической поэзии, без особого насилия над материалом выделяемая из общего корпуса эпиграмм.

Вывод, который можно сделать из краткого разбора предложенной классификации эпитафий, на наш взгляд, очевиден: и классификация, и само определение жанра должны быть сообразованы с литературным сознанием и представлениями изучаемой эпохи. Только анализ имеющихся дефиниций, от «Лексикона» (1627) П. Берынды [34] до «Словаря» Н. Остолопова,[35] и самой литературной практики, которую следует начать даже не с монаха Германа, а еще от Максима Грека [36] и довести ее по крайней мере до А. С. Пушкина, даст более или менее адекватную картину развития жанра. Причем это будет динамичная картина, ведь всего немногим более полувека отделяет самую большую, очевидно, в истории русской поэзии эпитафию, насчитывающую 230 строк,[37] от моностиха Карамзина, а в этом промежутке изменилось не только само стихосложение, сменились разные литературные направления и стили, но и сформировалось представление об эпитафии как малой стихотворной форме.

Однако и такое историко-литературное исследование будет недостаточно, поскольку оно не в состоянии удовлетворительно объяснить причины несомненного интереса к эпитафии во второй половине XVIII—начале XIX в., а затем, во второй четверти XIX в., резкого спада как самой продукции, так и ее литературной репутации. Редкий поэт в конце XVIII—начале XIX в. не писал (и иногда во множестве) эпитафий, но начиная с 1830-х гг. они единичны у ведущих поэтов. Достаточно пролистать «Вестник Европы» за первую половину XIX в., чтобы убедиться в этом: в первое десятилетие эпитафии публикуются в разделе стихотворений, затем переходят в раздел «смесь», а потом и там встречаются от случая к случаю. Наконец, на рубеже XVIII—XIX вв. появляется значительное число сочинений, посвященных эпитафиям (в том числе и приведенная выше статья С. Джонсона), одновременно отчетливо наблюдается саморефлексия жанра («эпитафия эпитафиям»).[38] Можно думать, что подобный автотематизм сам

---

[33] Опыт литературного словаря / Соч. Д. М. М., 1831. С. 200.

[34] Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961. С. 36.

[35] См.: *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1. С. 444—450; Ч. 2. С. 45, 204—214.

[36] См.: *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 210.

[37] Это эпитафия духовнику Петра I Т. В. Надаржинскому. См.: Молодик на 1844 г. Харьков, 1843. С. 257—265.

[38] Один из самых интересных текстов — «Размышление о надгробиях и общая эпитафия» В. Г. Рубана, неоднократно осмеянного в эпиграмматике